

УДК 811.111

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОБРАЗА ХРИСТА В РОМАНЕ Э.БЕРДЖЕССА "ЧЕЛОВЕК ИЗ НАЗАРЕТА"

© А.Г.Гайнутдинова

В статье рассматривается проблема литературной интерпретации библейских образов, в частности образа Иисуса Христа в романе Э.Берджесса "Человек из Назарета". Акцентирование человеческой природы Христа является одной из значимых тенденций в литературе и искусстве XX века, вместе с тем авторская трактовка персонажа принципиально не расходится с известными апокрифическими версиями биографии Христа.

Ключевые слова: интерпретация библейских образов, английская литература, литература XX века

На протяжении развития мировой художественной литературы, независимо от исторических и философских предпосылок, для создания произведения актуальными остаются библейские мотивы, которые с течением времени становятся более распространенными и востребованными как в кругу авторов, так и в кругу читателей. Интерес к библейской теме в литературе возник уже в произведениях современных каноническим Евангелиям. Так, в "Литературно-художественной интерпретации Библии" в Библиологическом словаре Александра Меня дан достаточно полный обзор произведений, являющихся в той или иной степени интерпретациями Священного Писания. По мнению автора, литературно-художественная интерпретация Библии охватывает все "роды литературные и многие жанры литературные, имеет долгую историю и большой диапазон от простых парафразов до вольной переработки священных сюжетов" [1].

Библейские мотивы не утрачивают своей актуальности и на рубеже XX-XXI веков. В этот период создается ряд произведений, также содержащих в себе своеобразную литературно-художественную интерпретацию Библии: "Евангелие от Сына Божия" (Н.Мейлер), "Человек из Назарета" (Э.Берджесс), "Евангелие от Иисуса" (Ж.Сарамаго), "Письма Никодима" (Я.Добрачинский), "Последнее искушение" (Н.Казандзакис), "Безымянная могила" (С.Эрдег), "Хазарский словарь" (М.Павич), "Код да Винчи" (Д.Браун), "Паломник (Дневник мага)" (П.Коэльо) и др.

В настоящей статье не ставится задача раскрыть причину обращения авторов к истории, изложенной в Библии. Целью работы является рассмотрение основы проблемы берджессовской литературно-художественной интерпретации библейского текста, которая главным образом отражена в особенностях образной системы произведения. В рамках данной статьи мы ограни-

чимся исследованием специфики художественного осмысления автором центрального евангельского образа – Иисуса Христа.

"Человек из Назарета" – очередная художественная адаптация евангельского жизнеописания Иисуса Христа. Роман основан на сюжете Нового Завета и в целом достаточно точно повторяет содержание четырех Евангелий, представляя собой своего рода их компиляцию. В романе описывается земная жизнь Иисуса, увиденная глазами человека двадцатого века. Несмотря на ряд отступлений в жизнеописании Христа, автор придерживается уважительного отношения к Библии: "Моя повесть не претендует на роль священного текста... Хотя я не христианин, но верю, что Иисус из Назарета был великим человеком и жизнь его достойна беспристрастного изложения, сделать которое способен лишь человек неверующий. Когда я говорю "неверующий" или "не христианин", я хочу сказать этим, что меня вовсе не интересуют предполагаемое свидетельство божественного происхождения Иисуса, его рождение от Девы, его Воскресение и его, так называемые чудеса. Он говорил: "По плодам их узнаете их". И интересуют меня как раз плоды, им оставленные, – но не яркие, красочные предметы на деревянном блюде, а нечто съедобное, наполненное терпким и живительным соком" [2: 355]. Данное высказывание позволяет характеризовать роман как биографически направленный, то есть нацеленный на изображение конкретных фактов из жизни Иисуса Христа, а не призрачных свидетельств его "божественного происхождения". Не случайно в романе объектом авторской демифологизации выступают чудеса, совершаемые Иисусом; так, например, автор повествует нам о некоем слепом старике, "который однажды ослеп от горя и которого Иисус сумел убедить, что если тот попытается, то сможет прозреть, чему помогли решительность и

безвредная магия Иисуса" [2: 105]. Э.Берджесс указывает именно на "решительность и безвредную магию", силу внушения Христа, а не на его божественную силу, которая помогла излечить слепого. Автор подвергает сомнению рассказ старика о божьем даре Христа [2: 105]. Описывая эпизод претворения воды в вино, Э.Берджесс дает явный намек на то, что это была просто шутка жениха, что подкрепляется и словами персонажей: Рихав "нарочито высокопарно изрек: ... Какой божественный цвет, какая искрящаяся прохлада! Оно возвышает, не опьяняя!.. – И он долго еще продолжал говорить в подобной тяжеловесно-шутливой манере..." [2: 108].

При изучении литературы по истории церкви можно заключить, что западноевропейская традиция изображения евангельских персонажей основана на западной культурной традиции, опирающейся на католический тип духовности, для которого свойственны чувственность, душевность, экзальтация религиозных переживаний, отсюда преобладание земного, человеческого начала над высшим, божественным [3]. Рассматривая образные системы различных литературно-художественных интерпретаций Евангелий, следует отметить, что на сущность образов влияют не столько временные рамки и изменение поэтической системы, сколько следование автора той или иной духовной и литературной традиции. Насколько известно, взаимодействие религиозного христианского канона и литературы происходило в процессе длительного и сложного развития. В христианстве формирование канона пошло двумя путями: 1) от византийского христианства к православию и 2) от раннего христианства Западной Европы к католицизму. В византийско-православном варианте канон превратился в канон-символ, для которого была существенна не только внешняя форма, но и выражение внутреннего, глубинного смысла религиозного догмата. Поэтому для православного канона был важен, в первую очередь, принцип духовности в образном воспроизведении божественного. В литературе западного христианства, в особенности в католицизме, канон, скорее, сформировался как формально-устойчивая система воспроизведения религиозного сюжета. Поэтому для писателя в этой системе возникали возможности более наглядно, непосредственно в изображении или повествовании выразить свою индивидуальность. Действительно, в западной (особенно современной) литературе мы видим огромное количество вариантов на один и тот же религиозный канонический сюжет.

Э.Берджесс в своем романе не пытается отказаться от разнообразных апокрифических версий

в пользу библейского канона, а наоборот, идет от канона к интерпретации. Очевидно, это связано и с определенными сторонними влияниями на писателя. Так, в некоторой степени позитивистское влияние Э.Ренана определяет в романе Э.Берджесса тенденцию к реалистическому изображению. В своем романе Э.Берджесс как бы "приземляет" образ Христа путем его очеловечивания. Указание на человеческую природу происхождения Христа мы наблюдаем уже с самого начала его жизни, конкретнее, с описания Иисуса-ребенка: "У Иисуса были крепкие мускулы, но он совсем не производил впечатления Божьего сына, иначе говоря, этот мальчик ничем особым не выделялся среди тех тщедушных ребятишек, которые считают, что Бог и так обязан за ними присматривать..." [2: 85]. Юношей он вел вполне обычную жизнь, по Э.Берджессу, не чуждую молодому человеку в этом возрасте: "Иисус находил время для занятий тяжелыми физическими упражнениями, какими обычно увлекаются молодые люди, – борьбой, бегом, метанием камней. Однако время находилось и для более легких развлечений – Иисус ухаживал за темноглазыми красавицами, вел с ними льстивые разговоры, а иногда даже пел под звуки двухструнной скрипки... Эти ухаживания, как все понимали, не были чем-то серьезным – всего лишь легкая практика" [2: 99-100]. Человеческая сущность главного героя в романе подчеркивается и таким показательным отступлением от традиционной канвы, как история женитьбы Христа, в которой проявляется не только его стремление к познанию любви, но и вполне естественное желание познания физического удовольствия: "Я же должен проповедать исполнение ... и я сам должен исполниться как человек. Я хочу сказать, что должен знать все о жизни мужчины..." [2: 103].

Автор осторожно подходит к изображению Иисуса. Несмотря на свою явную склонность к фрейдистскому толкованию характеров своих персонажей в других романах, Э.Берджесс лишь несколько раз позволяет себе намекнуть на сексуальность героя: он пишет о желании Иисуса предаваться "телесным удовольствиям". Тем самым автор разрешает проблему сексуальности сильного мужчины, каким он изображает Христа: "Теперь Иисус Нагар был женатым человеком, и мы можем предположить, что он предавался телесным удовольствиям так же часто, как и любой из нас, оказавшийся в этом счастливом положении" [2: 109]. Достаточная сдержанность в изображении Христа прямо обусловлена тем пиететом, который Э.Берджесс испытывает к нему. Его Христос в основном говорит цитатами из Библии, как правило, автор позволяет себе до-

мысли, только изображая "темные" периоды жизни Христа, лишь изредка обращаясь к апокрифическим сказаниям.

"Приземление" образа Иисуса достигается путем характеристики его как хорошего семьянина: "Саре выпало счастье, коли она нашла себе такого мужа" не потому что рядом с ней Спаситель, а потому что "Иисус трудолюбив, аккуратен в денежных делах ..." [2: 105]. В интерпретации Э.Берджесса на двадцать шестом году жизни Иисус овдовел, что представляет собой серьезное отступление от канона. Такие отступления можно объяснить только авторским замыслом. В этот момент земное начало Христа проявляется через эмоциональное, несдержанное, полное негодования обращение к Богу после смерти жены [2: 112-113]. Отметим, что смерть жены выступает своего рода переломным моментом в жизни Христа. До момента осознания Иисусом случившегося при создании его образа доминировало человеческое начало, тогда как жизнь Иисуса-вдовца представлена более канонизированно, что обусловлено началом его проповеднической деятельности.

Вторая "часть" жизни берджессовского героя является более достоверной с точки зрения канона. Здесь мы с предельной точностью видим отражение евангельского жизнеописания Христа. Изменение принципа изображения Христа можно проследить в первую очередь через сопоставление особенностей описания внешности Иисуса до и после начала миссии. Так, до начала миссии мы видим сильного, крепкого мужчину: "...Иисус был выше, чем большинство из мужчин Галилеи... У него были широкая грудь и крепкие мускулы. Голос его, когда он того хотел, был громким, как у буйвола..." [2: 104], тогда как с началом проповедования внешний облик Христа претерпевает значительные изменения: "Иисус сидел в синагоге – тощий, большеглазый... Он подошел к грубой подставке для книг и стал к людям лицом – с огромными глазами, изможденный... Ему недоставало только мяса в костях..." [2: 149].

Плавное замещения внешний образ героя, автор все же не отменяет его внутренней сущности, сущности человека. Примечателен диалог Иисуса и странника грека, повстречавшегося ему в пустыне. Несмотря на "изможденный" вид, Иисус оставался в душе таким же, как и шесть лет назад. Если в первой части романа мы видим, что его слова воспринимаются многими с определенной иронией, то здесь замечаем, что впечатление, производимое им на других, стало сильнее и ярче, его речь принимается с большим вос-

хищением и осознается как истина: "...никогда еще холмы не сотрясал голос более громкий, никогда еще не вздымались руки, сколь могучие, столь же и любящие, над телом более мощным. Перед ними был человек, который мог съесть целую овцу и бороться со львами! Настоящий Самсон, но без глупости Самсона!" [2: 220]. Голос остается единственной приметой, которую выделяет Э.Берджесс, позволяющей говорить о силе не только плоти, но и духа героя: "В голосе Иисуса чувствовалась сила и власть..." [2: 119].

Идею о человечности Иисуса автор доказывает не только через собственные размышления, слова других персонажей, но и через речь самого героя: "Я, как и все люди, из двух мест... Прах мой от земли, дух мой от Бога..."; "Все дети от Бога... Мужчины – это просто орудия Божьего творения". "Иисус отрицать плоть не собирался, – пишет Э.Берджесс. – Плоть, как он говорил, имела для человека важное значение" [2: 103]. Таким образом, автор наводит нас на мысль о двойственной природе образа Христа: с одной стороны, человеческой, с другой – божественной. Но эти два начала в романе не равноправны: человеческое начало подавляет божественное даже в моменты проповедей и скитаний в пустыне.

Таким образом, изучение специфики образной системы (в данном случае на примере образа Христа) как основы проблемы литературно-художественной интерпретации позволяет выявить ряд таких особенностей романа, как реалистическая тенденция в изображении библейских персонажей и написании романа вообще. Следует выделить четкую биографическую концепцию, присущую образной системе романа, что ярко выражено в изображении Э.Берджессом Иисуса Христа. Также нужно сказать и о архетипических чертах и чертах неканонического характера, выявленных в исследуемом библейском образе, которые свидетельствуют не только о специфике авторской оценки евангельских персонажей в романе, но и об основных особенностях художественных интерпретаций Библии в западноевропейской литературе.

1. Мень А. Библиологический словарь: В 3 т. – М.: Фонд имени Александра Меня, 2002.
2. Берджесс Э. Человек из Назарета: Роман/ Пер. с англ. В.Бублика. – М.: Текст, 2000. – 365 с.
3. Мориак Ф. Жизнь Иисуса. – М.: Мир, 1991. – 240 с.

FICTIONAL INTERPRETATION OF THE IMAGE OF JESUS CHRIST IN THE NOVEL *MAN OF NAZARETH* BY A.BURGESS

A.G.Gainutdinova

The article deals with the problem of fictional interpretation of biblical images, in particular, the image of Jesus Christ in A.Burgess' *The Man of Nazareth*. Emphasizing the human nature of Christ is one of the important tendencies in art and literature of the 20th century. At the same time the author's interpretation of the character is not very different from the well-known versions of apocryphal biography of Christ.

Key words: interpretation of biblical images, English literature, literature of the 20th century

* * * * *

Гайнутдинова Алсу Гарефетдиновна – соискатель кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета

E-mail: anva29@rambler.ru